

*Г. Г. Дилигенский,
доктор исторических наук,
Институт мировой экономики
и международных отношений РАН*

К проблеме социального актора в России

Значение проблемы социального актора в современном российском обществе определяется той ситуацией, которая сложилась в нем в результате постсоветской эволюции. В стране сформировались олигархическая или, точнее, олигополистическая структура экономической и политической власти. Обе эти власти в значительной мере слиты и осуществляются бюрократией и тесно связанным с ней привилегированным бизнесом. Данная система власти исключает характерный для современных демократий диалогический тип отношений властных структур и общества, предполагающий прямые и обратные связи между ними. Вместе с тем она дисфункциональна и в чисто управленческом плане, и с точки зрения стратегических интересов общественного развития, осуществления модернизации.

Дисфункциональность определяется двумя главными обстоятельствами. Во-первых, источники и способы получения доходов бизнес-бюрократических элит воспроизводят монополистический тип рынка, порождают их заинтересованность в экономическом и социальном статус-кво, питают коррупцию, исключая тем самым конструктивную стратегию модернизации. Наиболее удобным способом оправдания и маскировки такого рода интересов, своекорыстия правящей бюрократии становится идеология государственничества и великодержавного национализма, чреватая изоляцией России на международной арене.

Во-вторых, бизнес-бюрократия расколота на множество соперничающих кланов — ведомственных, региональных и т. д. Их борьба

порождает институциональную энтропию, правовой беспредел, препятствует институционализации российского общества.

В ближайшем будущем, возможно, будут предприняты серьезные попытки преодоления дисфункциональности, исходящие от высших эшелонов государственной власти. Как представляется, в лучшем случае они смогут воздействовать только на вторую группу дисфункций: навести относительный порядок в госаппарате, восстановить его иерархическую структуру, усовершенствовать законодательство. Но они вряд ли смогут серьезно воздействовать на первую, антимодернизационную группу дисфункций, так как для этого необходимо изменить социально-экономическую природу и ментальность правящих элит. Такое изменение вряд ли может произойти по собственной доброй воле самих элит или по воле вынужденной опираться на них и тем самым зависящей от них высшей власти. Можно предположить, что для смены застойных элит на модернизационно-ориентированные необходим перелом во всей структуре сложившихся отношений между правящими группами и обществом. Такая смена вряд ли возможна без достаточно сильного давления на эти группы со стороны неэлитных слоев общества, без активного вмешательства этих слоев в выработку правил игры общественного организма.

Эта объективная логика модернизационного процесса определяет значение проблемы социального актора в сегодняшней России. Напомню, что понятие социального актора обозначает добровольное и относительно устойчивое объединение тех или иных групп людей ради защиты общих интересов и ценностей, достижения общих целей на общественно-политической арене. Феномен социального актора — одно из проявлений *социальности* человека, он предполагает способность и волю людей к такому устойчивому объединению, т.е. определенные мотивационно-волевые свойства личности и определенные свойства культуры, стимулирующие данный тип социального взаимодействия.

Что представляет собой в этом плане современное российское общество и преобладающие в нем типы личности?

Существует довольно распространенная точка зрения, согласно которой и традиционная российская, и советская культура по своей природе общинная, коллективистская. Сторонники этого представления полагают, что либеральные реформы означают попытку навязать российскому социуму чуждый ему дух западного индивидуализма и именно так склонны объяснять и неудачу этих реформ, и порожденный ими глубокий морально-психологический дискомфорт личности. На мой взгляд, нет серьезных эмпирических оснований приписывать современному россиянину приверженность традиционной русской общинности. Разрушение ее началось уже с развитием капитализма на рубеже XIX—XX вв. и почти окончательно было уничтожено индустриализацией и урбанизацией со-

ветских времен, а затем в результате кризиса колхозного строя, пытавшегося использовать общинные традиции.

Что касается советского коллективизма, то в последние годы это явление обстоятельно анализировалось в отечественной социологии, особенно в работах ВЦИОМ, а также на предыдущих конференциях Интерцентра. Это позволяет мне напомнить лишь о наиболее существенных моментах.

Коллективизм, несомненно, представлял собой господствующую легитимную форму социальности в советском обществе. Эта форма выполняла прежде всего функцию структурирования первичных, низовых ячеек тоталитарной власти. По удачному определению авторов книги "Советский простой человек", коллектив — это "горизонтальная структура равных в их зависимости от власти и сплоченных этими властными отношениями"¹. Психологическая интеграция в коллектив реальна, но это не интеграция на основе солидарности, общности целей и ценностей, а объединение под общей "крышей", гарантировавшей ту социальную защищенность, которую был способен предоставить тоталитарный государственный патернализм. Понятно, что коллектив — не социальный актор, поскольку любая самостоятельная, не санкционированная, более того, не инициированная властью социальная активность находится под запретом. Коллектив, напротив, — эффективное средство контроля за соблюдением этого запрета.

Важно, что эта специфически социалистическая форма социальности — сведение ее к обязательному, диктуемому сверху, навязываемому — вынуждала человека к *индивидуалистической стратегии*, поскольку он стремился достичь каких-то собственных целей, например улучшения своего материального или социального статуса. Таких целей можно было добиться только путем поиска оптимальной ниши в системе (карьера, переход на другую работу или переезд в другое место) или "пор" в ней (например, используя возможности теневой экономики).

Это особый индивидуализм, мало похожий на тот, который типичен для западных обществ. Он представляет собой стратегию социально слабого человека и может быть описан как осторожный, трусливый индивидуализм. Советский индивидуалист преследует свои личные цели, приспособляясь к правилам системы или ловко обходя их, но он всегда *демонстрирует* верность этим правилам, маскирует таким образом свои собственные позиции и цели. Такого рода стратегию можно определить как *адаптационный индивидуализм*.

Какие изменения в личностные стратегии внесла постсоветская ситуация? Главная проблема, возникающая теперь перед человеком, состоит в адаптации к новым условиям дикого рынка и развала

¹ Советский простой человек М, 1993 С. 63

госпатерналистской системы, к ситуации хаоса и игры без правил. Схематично можно выделить три основных типа реакций на этот социально-исторический перелом.

Первый из них отражает низкий уровень адаптации или ее полное отсутствие. Психологически его характеризуют пассивность, аттантизм, установка на традиционно русское терпение и вместе с тем состояние тревожности, безнадежности, ощущение беспомощности, которое сочетается с ностальгией по социалистическому прошлому. В ментальности представителей этого типа сохраняется инерционная ориентация на коллективистские, т.е. государственно-патерналистские, ценности, при сознании невозможности их реализации.

Второй тип реакции — это активная практическая адаптация: энергичный поиск возможностей укрепления собственного материального статуса или даже его улучшения, успеха (смена профессии, переход в частный сектор экономики, чаще всего приработки, в том числе на основе теневой занятости). Практическая адаптация часто, но далеко не всегда ведет к адаптации психологической: человек, испытывая физические и психологические перегрузки, вынужденный выполнять непривлекательную работу, нередко остро переживает депривацию, фрустрацию, испытывает чувство ненадежности условий своего бытия.

Третий тип реакции — это ориентация на максимальный экономический и социальный успех. К представителям этого типа принадлежат "новые русские", но не только они. Достижительной ориентации придерживаются легитимные и криминальные предприниматели, люди, служащие и делающие карьеру в руководстве крупных фирм, в бюрократическом аппарате, прессе и в публичной политике. Она характерна для значительной части молодежи, в том числе студентов, готовящих себя к пользующимся спросом профессиям.

Очевидное последствие развития всех названных типов адаптации — усиление индивидуализма. Даже терпеливые и пассивные все больше приучаются (жизнь заставляет) рассчитывать исключительно на собственные силы. Для многих это психологически дискомфортно, а индивидуалистические ценности неприемлемы. Но их отторжение не может помешать укоренению индивидуалистической практики и соответствующих ей установок. У многих (что характерно прежде всего для первого из названных типов) эта практика всего лишь воспроизводит советский адаптационный индивидуализм социально слабого человека. Но у представителей других типов развивается индивидуализм более смелый, сопряженный с инициативностью, подчас со своего рода авантюризмом. И вместе с тем возникает принципиально новый индивидуализм, носителями которого являются главным образом представители младшего поколения, "дети перестройки".

Новому индивидуализму присущ высокий уровень автономии личности по отношению к социуму и социальным институтам. В отличие от советского человека индивидуалист этого типа не апеллирует к обществу и его нормам. Вынужденный считаться с ними, он противопоставляет им свои собственные правила. Все социальное, институциональное, "обобщенный другой" представляются ему внешней средой, индифферентной или враждебной. Эта асоциальная позиция выступает в ментальности нового индивидуалиста как более или менее осознанная установка, норма, например некоторые молодые респонденты открыто декларировали ее в проведенных нами углубленных интервью¹. Данный тип индивидуализма может быть определен поэтому как нормативный и асоциальный. Социальность ограничена у представителей этого типа связями с узким кругом родных и друзей (или сообщников) и поверхностным "развлекательным" общением со сверстниками. Ценностная ориентация нормативных индивидуалистов вербализуется, судя по данным наших интервью, понятием свободы, фактически толкуемом ими в смысле традиционной для русской ментальности анархической *воли* (я не останавливаюсь здесь на семантическом различии обоих понятий, подробно раскрытом Г.Федотовым², а затем и другими отечественными авторами).

Очевидно, позитивным последствием рассмотренных личностно-психологических тенденций является рост индивидуальной ответственности и самостоятельности личности, начинающий размывать все еще очень сильный в российском социуме патерналистский синдром. Хуже обстоит дело с социальной ответственностью, образующей необходимый компонент гражданской культуры и не менее необходимое качество социального актора. Правда, как показывают эмпирические исследования, такая ответственность проявляется в достаточно массовых слоях населения в форме ответственного отношения к выполняемой работе, если она связана с коллективным решением определенных задач (например, в творческих научных коллективах) или с непосредственно гуманитарными функциями. Последнее особенно типично для массовых отрядов интеллигенции — врачей, учителей, многие из которых сохраняют традиционное для этих групп отношение к своей профессиональной деятельности как к служению людям. Несмотря на снижение материального и социального статуса этих категорий и коммерциализацию их труда, подобные этические мотивации еще весьма сильны в их среде. Однако во всех этих случаях социальная ответственность ограничена рамками профессиональной деятельности и не распространяется за их пределы — на проблемы общества. Даже наиболее

¹ Их анализ см.: *Дилигенский Г.Г.* Российский горожанин конца девяностых: Генезис постсоветского сознания. М., 1998.

² *Федотов Г.П.* Россия и свобода // Русские философы. Антология. М., 1996. С. 183.

преданные своему делу и высоко оценивающие его социальное значение (пользу для общества) специалисты высказывают убеждение, что решение этих проблем относится исключительно к компетенции профессиональных политиков и чиновников¹.

Высоко развитое чувство социальной ответственности характерно для активистов многих общественных и демократических политических организаций, в том числе правозащитных и экологических, а также для работников "третьего сектора". Однако эти социально активные меньшинства пока еще не делают погоды в российском обществе: как бы ни было велико значение их деятельности, они не являются моральными лидерами, социальной элитой (по терминологии Ю.А.Левады), существенно влияющей на настроения и поведение массовых слоев.

Для полноты картины стоит отметить, что определенные элементы социальной ответственности зарождаются в ментальности некоторых групп нового среднего класса — высокооплачиваемых менеджеров и служащих коммерческого сектора экономики. В опросах и интервью многие из них делают акцент на ценностях социальной справедливости и солидарности, необходимости материальных жертв со стороны имущих слоев ради поддержки слабых и неимущих². Учитывая, что именно для этих групп в то же время характерна психология развитого нормативного индивидуализма (ценности индивидуальной автономии и самовыражения), можно утверждать, что мы имеем в данном случае дело с зарождением своего рода социально-либерального этоса, преодолевающего ассоциальные черты нового русского индивидуализма. Речь идет, однако, об эмбриональном и весьма ограниченном по своим масштабам феномене.

Необходимым условием появления социальных акторов является развитие культуры участия — нормативных представлений и установок, стимулирующих стремление людей так или иначе влиять на происходящее в социуме. Культура участия — один из важнейших признаков более или менее развитой демократии. В России десятилетнее функционирование формальных демократических институтов (свободных выборов органов власти, многопартийности, свободы слова и мнений) не привело к появлению сколько-нибудь заметных ростков такой культуры. Это особенно выразительно проявляется в индифферентном отношении большинства россиян к тем демократическим институтам, в рамках которых рядовому гражданину, казалось бы, легче и проще всего реализовать свою общественную активность. Речь идет о низовом

¹ Городские профессионалы: Ценности и правила игры среднего класса. Тюмень, 1999.

² См., например: *Васина Е.З.* Некоторые аспекты проблемы индивидуализма и коллективизма в российском общественном сознании: Дифференциация и единство // Человек в переходном обществе. М., 1998.

локальном уровне управления и о самостоятельных гражданских организациях. По данным опроса декабря 1998 г., абсолютное большинство — более 60% считают важным или очень важным для России развитие демократии и инициативы граждан, но таким направлениям этого развития, как создание негосударственных объединений и организаций, придает столь же важное значение всего лишь 23%, становлению самоуправления на муниципальном уровне — 36%¹.

Другие данные свидетельствуют о том, что подавляющее большинство российских граждан не готово прилагать какие-либо коллективные усилия даже для защиты своих интересов в непосредственно окружающих их, не связанных с высокой политикой сферах жизни и быта. Так, отвечая на вопрос о возможной реакции респондентов на противоречащие их интересам действия местных властей, лишь 13-16% выразили готовность "организовать группу заинтересованных лиц, чтобы как-то решить эту проблему"². В ходе опросов по жилищной реформе всего лишь около 7% респондентов одобряют такой ее вариант, при котором жильцы дома объединяются и нанимают управдома, который под их контролем работает в их интересах, остальные считают такое объединение невозможным. В общем российское общество живет, как в песне Б.Окуджавы: "Надо б лампочку повесить, денег все не соберем..."

Конечно, в стране существует множество гражданских организаций, но большинство людей либо ничего не знает о них, либо, если знает, то считает, что они все равно ничего не могут сделать. В лучшем случае в тех же правозащитниках видят своего рода народных адвокатов, но отнюдь не лидеров, задающих образцы социального поведения. Характерно, что сами правозащитники своей главной задачей считают "пробить стену всеобщего равнодушия"³.

Россияне, несомненно, дорожат обретенными ими демократическими свободами и политическими правами. Доля участвующих в выборах, особенно федеральных, как правило, довольно высока. Но это участие мало похоже на выбор определенного политического курса, на определенный мандат, артикулированный комплекс требований и ожиданий, который избиратели коммуницируют власти. Голосование за политические программы, основанное на их четком знании, вероятно, редкий случай в любой демократической стране, но в любой из них избиратель так или иначе представляет себе общий смысл, приоритеты, направленность политики основных партий и кандидатов. В России роль таких факторов электорального поведения в последние годы уменьшается.

¹ Современное российское общество: Переходный период. М., 1998. С. 27, 28.

² ВЦИОМ. Опросы 96-4 (15.06); 95-6 (21.07).

³ Гражданское общество в России. Структуры и сознание. М., 1998. С. 246.

Беспрецедентно высокий рейтинг В.В.Путина во время предвыборных кампаний 1999 и 2000 гг., успех объединения "Единство" никак не связан с их политическим обликом, о котором избиратели ничего не знали (кроме роли В.Путина в военной акции в Чечне). Столь же мало политическим было голосование за ОВР и ряд других партий. Таким образом, электоральное поведение большинства российских избирателей вряд ли можно рассматривать как хотя бы пассивную форму политического участия.

Можно назвать несколько причин, препятствующих развитию массовой социально-политической активности в России.

Во-первых, это архетипические особенности русской ментальности, отсутствие традиций гражданского действия, коренящиеся в мало изменяющейся на протяжении веков структуре отношений между деспотической властью и обществом. Русские люди привыкли видеть в высшей власти единственно возможного "автора" общественных перемен, в русском опыте не было иной альтернативы покорности власти, кроме ее насильственного свержения. Движение в сторону гражданского общества, выработка способов общественного воздействия на власть, начавшиеся в конце XIX — начале XX в., были остановлены социалистической революцией и установлением тоталитарного порядка.

Во-вторых, цивилизованная социальная, гражданская активность обычно так или иначе опирается на нормативно-правовую систему, действующую в обществе. Она или апеллирует к общепризнанным правилам и законам, или добивается тех или иных изменений в институциональной нормативной системе в соответствии с новыми общественными потребностями и ценностями, признанными в обществе. Российское общество в его нынешнем состоянии лишено как непротиворечивой и достаточно разработанной формальной законодательной базы, так и неформальной системы правил и культурных норм, регулирующих повседневные отношения социальных субъектов. В этих условиях различные звенья власти имеют возможность сохранять мало чем ограниченную "свободу рук", даже активные и эффективные коллективные действия не приносят устойчивых результатов.

В-третьих, в российском обществе, несмотря на обилие и разнообразие информационных потоков, существует когнитивный вакуум в отношении общественной действительности: в подавляющем большинстве люди не знают и не понимают смысла и причинно-следственных связей экономических, социальных, политических процессов, их движущих сил. Этот вакуум крайне затрудняет осознание и структурирование социальных интересов, а ведь только на основе защиты таких интересов и могут формироваться социальные акторы. В ситуации социально-экономического кризиса, когда для большинства людей приоритетным интересом является простое выживание или стабилизация своего материального стату-

са хотя бы на самом низком уровне, когнитивный вакуум усугубляет атомизацию общества, толкает человека на путь чисто индивидуальной борьбы за существование.

Можно в то же время утверждать, что в России существует объективная почва для преодоления пассивности общества, подъема гражданских общественно-политических движений. Ее образует не только массовое социальное недовольство, но, по существу, и антагонистическая структура властных отношений. Ныне она маскируется мифологическими представлениями типа "режим Ельцина", сеющими иллюзию, будто путем смены главы государства можно решить все проблемы страны. Новый общественный опыт, скорее всего, довольно быстро развеет эти иллюзии и создаст тем самым предпосылки для развития движений, нацеленных против авторитарной системы власти, своекорыстия правящих элит. Такой ход событий, разумеется, не предопределен, но он как минимум представляет собой одну из возможных перспектив.

Реализация этой перспективы зависит от усилий всех тех политических и общественных группировок, которые сохраняют верность демократическим и либеральным ценностям. В первую очередь необходима консолидация ныне разрозненного демократического и либерального актива (партийного и непартийного), координация его действий на федеральном уровне (прежде всего в сфере законодательства) и на уровне региональном и локальном в соответствии со спецификой ситуации на местах. Важную составляющую деятельности демократических организаций должна была бы образовать работа по выявлению и структурированию социально-групповых интересов. С этой целью им стоило бы отыскать формы диалога с различными социально-профессиональными группами (средними и мелкими предпринимателями, специалистами, рабочими, студенчеством и т.д.) путем, например, организации дискуссионных клубов, кружков, разных типов объединений. И наконец, одной из важнейших задач всех тех, кто заинтересован в демократическом развитии России, представляется организация широкой системы экономического и социально-политического просвещения народа. Речь идет не о пропаганде тех или иных политических программ, а о массовой коммуникации знаний о принципах, механизмах и мировом опыте рыночной экономики и современной демократии, о процессах, происходящих в российском обществе, об анализе стоящих перед ним проблем, об его конституционных принципах. По всем этим вопросам аудитории могут и должны сообщаться разные точки зрения, но не в форме политической ругани и разоблачения оппонентов, а на основе рациональной аргументации. Понятно, что создание такой системы просвещения потребует преодоления громадных организационных и финансовых трудностей, но дело того стоит.